

«И ПАЛЬЦЫ ПРОСЯТСЯ К ПЕРУ, ПЕРО К БУМАГЕ...»

Если Вы видите блокнот в руках этнографа, не спешите с предположением, что это полевой дневник или наброски статьи о теории этноса. Вполне может статься, что Вы являетесь свидетелем таинства рождения стиха. Этнографические исследования и поэтическое творчество — разные вещи, но и то, и другое немисливо без вдохновения. Может быть, поэтому поэты нередко увлекаются этнографией, а профессиональные этнографы становятся поэтами.

Стихи, предлагаемые сегодня вниманию читателя, принадлежат перу известного ученого, заведующего отделом народов Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, президента Советской антропологической и этнографической ассоциации члена-корреспондента РАН С. А. Арутюнова. Это — первая публикация его поэтических произведений; что же касается научных трудов Сергея Александровича, то их список Вы найдете в следующем номере журнала: 1 июня 1992 г. одному из ведущих советских этнографов исполняется 60 лет.

© 1992 г., ЭО, № 1

С. А. Арутюнов

СИБИРЬ. ВЕНОК СОНЕТОВ.

I

Сибирь, мои нелегкие края —
Богатство недр, кочевий нищета,
Раздолье ягод, стаи комарья
И запах прелой хвои и листа.

Глаза спокойных тундровых озер,
Над ними брови невысоких грив,
Приземистых цветов тугой ковер,
Ленивых рек несчисленный извив.

И бурных рек стремительный проран,
И злой оскал оползлых скал гольцов,
Кармин осин и лиственниц шафран,
А после — серый снег со всех концов.

На полматерика и вдаль и вширь
Остистым ворсом стелется Сибирь.

II

Остистым ворсом стелется Сибирь,
Сосна и лиственница, кедр и ель,
И белая безмолвная метель,
И прошлое как черный нетопырь.

Палатки полы туже растопырь!
Пускай, как в бубен, лупит в них метель.
Слепой пургой окрест кружит Сибирь,
Слепая наших судеб канитель.

Не счесть глухих углов твоих, Сибирь:
Яры, Туран, Тунытлен, Парабель,
И эта Богом проклятая щель,
Куда меня завел мой поводырь.

Как в стоге гвоздь, в тайге затерян я:
На сотни верст в округе нет жилья.

III

На сотни верст в округе нет жилья,
Но здесь не край непуганных зверей:
Тайга таит присутствие людей
В прогнившей груди меха и тряпья.

Под ней скелет замшелый углядишь:
Кто это — самоед или казак?
А в тундре бывший лагерный барак
Приветствует тебя провалом крыш.

В чащобе капищ грозный самострел
Еще не сгнил, стрелять еще готов.
Что там — медвежий череп, гол и бел,
Иль золотая баба остяков?

Куда меня завел мой поводырь?
Лишь ржавые болота вдаль и вширь.

IV

Лишь ржавые болота вдаль и вширь,
Сосна и лиственница, кедр и ель.
Возлюблена и проклята Сибирь,
Могила старших, младших колыбель.

Неясностей и тайн Сибирь полна,
Пришельцев много здесь нашло приют,
И крошечные эти племена
Огромные вопросы задают.

Здесь клады есть под каждой горой,
Но в руки никому нейдут они.
Из вымерзших болот встают порой
Здесь неземного облика огни.

Плывут они из мглы на глыбы льда
И рядом с ними светят иногда.

V

И рядом с ними светят иногда,
Как угольки костра во тьме ночей,
Сибирские большие города,
Где каждый пятый — маг и книгочей.

Из четырех один — и черту брат,
Из трех один — ходок и следопыт,
Любой второй беседе с нами рад,
У каждого широкий стол накрыт.

Не просто снедь и бражка за столом,
Но разговор с умом и по душам,
И многое из этого потом
Годами вспоминаться будет нам.

Как рады встрече с вами мы всегда,
Сибирские большие города!

VI

Сибирские большие города
Сейчас полны проблем как никогда.
Здесь плата за технический прогресс
Порою дорастает до небес.

Живут на длинный рубль и на авось
Сибирские большие города.
Вспухают новостройки вкривь и вкось,
Отравлены и воздух и вода.

Но все же есть безумию предел,
И рвачество не вечно властно рвать,
И разум побеждает кое-где,
И раны начинает врачевать.

Их лечит, хоть не сразу и не вдруг,
Там доброе тепло умелых рук.

VII

Там доброе тепло умелых рук
В свои труды влюбленных чудаков
Из тлена храм спасает для наук,
Воссоздает мозаику веков.

В расселинах чукотских влажных скал
Бродя в туман, встречая ветра злость,
Для мудрых их забав я отыскал
Оббитый камень и резную кость.

Нам после пологов из ветхих шкур
Так мил простой гостиничный уют.
Нехитрый стол и белый абажур
Для творчества условия создают.

И щедро украшает наш досуг
Приветливость знакомцев и подруг.

VIII

Приветливость знакомцев и подруг —
Готовность выйти, встретить и помочь,
Когда ненастье буйствует вокруг,
Неясен путь и непроглядна ночь.

Твердят, что торжествует в мире зло,
И, видимо, не зря и неспроста.
Но только нас, куда б не занесло,
Встречала неизменно доброта.

Чужие люди нас пускали в дом,
Стелили мех, чтоб мягче было лечь,
И чайник греться ставили на печь,
И грели нас сердец своих теплом.

Моих скитаний милые друзья,
Вас постоянно вспоминаю я.

IX

Вас постоянно вспоминаю я,
Яры, Туран, Тунытлен, Парабель,
Рассерженного моря толчея,
Сонливой тундры мокрая постель.

Других таких нигде на свете нет,
Далекие, суровые места!
Прошло под вашим знаком тридцать лет,
Ценнее и полней обычных ста.

Смешайте снег с углями от костра,
Плесните в небо пенистый прибой,
И перемножьте завтра на вчера,
Переплетя стремления с судьбой,

И вы себе представите, друзья,
Сибирь — мои нелегкие края.

X

Сибирь мои нелегкие края...
Остистым ворсом стелется Сибирь.
На сотни верст в округе нет жилья,
Лишь ржавые болота вдалеке и вширь.

И рядом с ними светят иногда
Сибирские большие города,
Там доброе тепло умелых рук,
Приветливость знакомцев и подруг.

Вас постоянно вспоминаю я,
Сибирь, мои нелегкие края.